ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 Іюля № 21 1882 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

РѢЧЬ

преосвященнаго Амвросія епископа дмитровскаго при погребеніи Генералъ-Адъютанта М. Д. Скобелева, 28 Іюня.

Много возникаетъ въ умѣ вопросовъ и недоумѣній по поводу преждевременной и неожиданной кончины нашего знаменитаго героя Михаила Дмитріевича Скобелева. Не былъ ли онъ еще такъ молодъ и полонъ силъ? Не были ли такъ нужны для отечества его дарованія? Не покоилось ли на немъ такъ много нашихъ надеждъ, не сопутствовали ли ему всюду наши благожеланія? Не былъ ли онъ видимо хранимъ Провидѣніемъ для будущаго, оставаясь невредимымъ среди тысячи опасностей и смертей? Зачѣмъ же и почему же все это такъ внезапно пало и рушилось?

Но при возникновеніи подобныхъ вопросовъ на уста всѣхъ благоговѣющихъ предъ неисповѣдимыми судьбами Божественнаго Провидѣнія налагаетъ печать молчанія извѣстная притча Христа Спасителя: «вы знаете, говоритъ Господь, что еслибы вѣдалъ хозяинъ дома въ который часъ придетъ воръ, то бодрствовалъ бы и не допустилъ

бы подкопать домъ свой. Будьте же и вы готовы; ибо въ который часъ не думаете, придетъ Сынъ Человѣческій». (Лук. 12, 39, 40).

И вотъ домъ подкопанъ, драгоцѣнная жизнь похищена. Великая утрата такъ сильна, что не знаешь, что сказать при всемъ желаніи почтить благодарнымъ словомъ дорогую память почившаго. Какъ изъ глазъ матери, склонившейся надъ гробомъ юнаго сына, вперившей взоръ въ его милыя черты и отыскивающей въ потускнѣвшемъ лицѣ прежнихъ выраженій жизни, красоты, любви, незамѣтно для нея самой ручьями текутъ слезы, застилая и закрывая предъ нею туманомъ самый предметъ ея печальнаго созерцанія: такъ каждый изъ насъ теперь предъ безжизненными останками нашего народнаго любимца, напрасно сталъ бы усиливаться возстановить для себя и другихъ въ цѣлости и полнотѣ его мужественный, свѣтлый, вдохновляющій нравственный обликъ, какой при его жизни съ его именемъ возникалъ всегда въ нашемъ воображеніи. Все застилаютъ неудержимыя слезы: горько, жалко; отечество хоронитъ милаго сына; всѣ мы оплакиваемъ близкаго, роднаго по духу человѣка. Плачь о немъ русское воинство: онъ былъ отцемъ дѣтей вашихъ, этихъ дивныхъ нашихъ рядовыхъ воиновъ, съ которыми по братски онъ дѣлилъ труды и лишенія; плачь Русскій народъ: въ немъ бился пульсъ твоей жизни, онъ былъ чуткимъ истолкователемъ твоего призванія, носителемъ твоихъ идеаловъ, ревнителемъ твоей чести и славы.

Предоставимъ времени раскрыть событія жизни, особенности талантовъ, тайны военныхъ успѣховъ, черты личной доблести и характера, убѣжденія, думы и помыслы этого замѣчательнаго русскаго человѣка, такъ рано похищеннаго смертію. Въ этомъ не оставятъ, конечно, удовлетворить нашимъ справедливымъ желаніемъ безпристрастные и опытные цѣнители военныхъ дарованій и успѣховъ, боевые товарищи почившаго и друзья его, предъ которыми онъ открывалъ свою душу и ея завѣтныя стре-

мленія. Но намъ желательно бы понять тайну той рѣдкой общеизвѣстности и той любви народной, которыя въ такіе молодые годы жизни успѣлъ пріобрѣсть почившій и которыя составляютъ высшую награду и утѣшеніе для всякаго общественнаго дѣятеля.

Намъ кажется, что тайна эта заключалась, главнымъ образомъ, не въ талантахъ его и побѣдахъ, не въ личныхъ свойствахъ его характера, а въ его полной, всецѣлой, безграничной *любви къ отечеству и къ Государю*, которыхъ никогда не раздѣляетъ въ своемъ сознаніи истинно русскій человѣкъ. У него небыло другой любви и привязанности кромѣ любви къ отечеству; не было личныхъ интересовъ: его занимали только нужды отечества. О немъ онъ думалъ непрестанно; съ мыслію о немъ пилъ и ѣлъ, ложился и вставалъ. У него не было другихъ разговоровъ кромѣ разговоровъ о предстоящей отечеству будущности, объ угрожающихъ ему опасностяхъ и о способахъ предупрежденія ихъ. Онъ любилъ отечество *съ ревностію*; его оскорбляло все, что казалось ему въ сужденіяхъ другихъ непониманіемъ истиннаго блага отечества или холодностью и равнодушіемъ къ судьбѣ его. Любовь къ отечеству была пламенемъ въ его сердцѣ, пожиравшимъ его самаго. Она была источникомъ и той беззавѣтной храбрости и безтрепетнаго мужества предъ лицомъ смерти, которыя сдѣлали его въ памяти народа героемъ легендарнымъ. Онъ вездѣ носилъ жизнь въ своихъ рукахъ какъ готовую жертву, ожидая случая съ радостію и благоговѣніемъ возложить ее на алтарь любви къ отечеству. Любовь къ отечеству дѣлала его неутомимымъ въ трудахъ, нечувствительнымъ къ лишеніямъ, неудержимымъ въ рѣчахъ. Ни въ пылу битвъ, ни въ борьбѣ партій, ни въ раздраженіи враговъ, онъ не видѣлъ, не признавалъ опасностей: онъ несся выше всего въ своемъ неудержимомъ стремленіи жить, дѣйствовать, жертвовать для блага, величія и славы отечества.

Но любовь къ отечеству есть сила живая, свѣтящая, согрѣвающая. Она сообщаетъ всѣмъ дѣйствіямъ человѣ-

ческимъ чистоту и возвышенность, словамъ искренность и правду, мыслямъ опредѣленность, намѣреніямъ крѣпость, отдаленнымъ планамъ и предположеніямъ близость и удобоисполнимость, и на все кладетъ печать одной ей свойственной красоты и привлекательности. И народъ не предупрежденный, прямодушный сердцемъ понимаетъ эти возвышенныя качества дѣлъ изъ любви къ нему исходящихъ, и по чувству взаимности влечется къ человѣку объемлющему его своею любовію. И самъ этотъ человѣкъ становится для него олицетвореніемъ любви и совершенства и врѣзывается навсегда въ его воображеніи, увѣковѣчивается въ его памяти и имя его переходитъ изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ.

Этого великаго счастія достигъ Михаилъ Дмитріевичъ въ немногіе годы своей непродолжительной жизни. Мы видѣли какія массы народа наполняли улицу предъ домомъ гдѣ лежало тѣло его въ первое время послѣ его смерти; на всѣхъ лицахъ были написаны скорбь и отчаяніе, народъ, казалось, хотѣлъ бы вырвать его изъ самыхъ челюстей смерти. Это—любовь за любовь. Но не забудьте что это любовь народа христіанскаго, православнаго. На слѣдующее утро мы видимъ иное ея проявленіе: ко всѣмъ алтарямъ московскихъ церквей принесены предъ литургіей во множествѣ просфоры и поминанія: «о упокоеніи новопреставленнаго раба Божія Михаила». И это пойдетъ изъ рода въ родъ. Что можетъ быть прекраснѣе и утѣшительнѣе этого выраженія любви народной?

Да будетъ, Господи, эта народная молитва очистительною жертвой за грѣхи почившаго! Ради любви его къ нашему православному отечеству, ради любви къ нему народа Твоего, ради слезъ нашихъ и сердечной молитвы нашей о немъ, паче же ради Твоей безконечной любви, благоволительно пріемлющей чистую любовь человѣческую во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ, буди къ нему милостивъ на судѣ Твоемъ праведномъ!

О бывшихъ уніатскихъ церковно-приходскихъ братствахъ въ Ковельскомъ уѣздѣ и ихъ значеніи.

(Окончаніе).

Что же дѣлали эти народно-церковныя учрежденія въ нашей мѣстности, — и — главное — оправдали ли они всѣ тѣ надежды и ожиданія, которыя возлагались на нихъ ихъ учредителемъ?

Основываясь на нѣкоторыхъ письменныхъ свидѣтельствахъ, пощаженныхъ для насъ временемъ, равно также на свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ почтенныхъ и авторитетныхъ личностей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ нашихъ церковно-приходскихъ братствъ въ первой четверти настоящаго вѣка — въ самый разгаръ ихъ дѣятельности, мы видимъ, что дѣятельность ихъ заключалась: во 1-хъ, въ заботѣ о поддержаніи и благолѣпіи св. храмовъ и снабженіи ихъ необходимыми принадлежностями, и, во 2-хъ, въ религіозно нравственномъ воспитаніи «всей братіи».

1. Братчики дѣлаютъ ежегодныя посильныя складчины на св. храмъ и, подавая собою примѣръ, стараются расположить къ тому же и «всю братію». На свои средства они сооружаютъ приходскіе храмы; выпрашиваютъ, выплакиваютъ у пановъ, или арендаторовъ — евреевъ лѣсъ на св. храмъ; охотно тратятъ послѣдній лишній день на его постройку, — свободный отъ непомѣрнаго и кропотливаго труда «на панщинѣ» и за все это одна только скромная награда: вырѣзываются на стѣнкамъ или косякахъ ризницы имена строителей для поминовенія при литургіяхъ. Съ такимъ же усердіемъ и заботою относились братчики и къ снабженію храмовъ св. иконами, утварью, ризницей и колоколами. Старые иконостасы всѣхъ нашихъ, бывшихъ уніатскихъ, церквей, — которые въ настоящее время хранятся уже на хорахъ или въ колокольняхъ, — это — коллекціи св. образовъ, купленныхъ на

средства всѣхъ членовъ братства, если не всѣхъ селянъ. Внизу или на оборотѣ каждой иконостасной иконы непремѣнно находится такая надпись: «сей образъ сооруженъ стараніемъ братчика П—скаго братства Иваномъ Корольчукомъ», или же — «сея ікона куплена братомъ Мельникомъ» и др. под. Такія же надписи обязательно находятся и на иконахъ, служившихъ и служащихъ еще и теперь (въ нѣкоторыхъ церквахъ) украшеніемъ внутреннихъ стѣнъ храма, на хоругвяхъ, нѣкоторыхъ принадлежностяхъ ризницы и св. алтаря, колоколахъ и на церковно-богослужебныхъ книгахъ. Наконецъ, въ видахъ увеличенія доходовъ на нужды храма учреждена была еще одна прибыльная статья, которой не было въ уставѣ братства, это—сыченіе меду на церковный счетъ. Сыченіе меду не вездѣ производилось одновременно. Одни братства сытили медъ только къ храмовому празднику; другіе — къ тому еще и въ двунадесятые праздники; третьи—почти ко всякому празднику. Одни братчики жертвовали медъ, другіе—водку: вся же выручка отъ продажи сыченаго меду поступала въ «карбону». Выручка, судя по тогдашнему, была довольно значительная, такъ что могла покрывать годичные расходы церкви на разныя потребы, какъ-то: вино, ладанъ и пр. Покрайней мѣрѣ изъ приходо-расходной книги с. П. напр. мы узнаемъ, что въ одинъ день (кажется, 1809 г.) выручка за продажу сыченаго меду доходила до 30 злотыхъ (4 р. 50 к.), между тѣмъ какъ въ тотъ же годъ израсходовано церковныхъ денегъ на вино, ладанъ и др. всего лишь 21 злотъ (3 р. 15 к.).

2. Братчики являются главными воспитателями своихъ односельчанъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Клятвенно пообѣщавъ, при вступленіи въ братство, «всѣхъ врученныхъ... увѣщевати и наставляти», каждый братчикъ являлся вѣрнымъ исполнителемъ своего обѣщанія. Для лучшаго и успѣшнѣйшаго выполненія братчиками своихъ религіозно-воспитательныхъ обязанностей, обыкновенно, каждое село, гдѣ существовало братство, было разби-

ваемо на нѣсколько извѣстныхъ участковъ, подлежащихъ завѣдыванію и наблюденію «почтенныхъ братчиковъ». На ихъ-то обязанности лежало посѣщать свой участокъ, давать нужныя и полезныя совѣты и наблюденія, вооружаться противъ проступковъ молодежи своего участка и обращать особенное вниманіе на то, чтобы отцы и матери обучали своихъ дѣтей молитвамъ и катехизису.

Считаемъ не лишнимъ и небезъинтереснымъ привесть здѣсь нѣкоторые главнѣйшіе пункты христіанскаго вѣроученія, преподаваніе и обученіе которыхъ входило въ кругъ обязанностей «почтенныхъ братчиковъ», завѣдывавшихъ участками села,—тѣмъ болѣе, что въ той формѣ, въ какой преподавались они здѣсь народу во времена уніи, въ настоящее время они почти-почти уже забыты.

«Я, грѣшникъ, исповѣдаюсь Тебѣ, Единому Господу Богу моему, Пречистой Дѣвѣ Маріи, Матери Божіей, и всѣмъ Святымъ, дабы меня не судилъ Господь по моимъ грѣхамъ, но—по милосердію Своему».

Актъ вѣры.

«Вѣрую, что Богъ есть на небѣ, на земли, и на каждомъ мѣстѣ; вѣрую, что Онъ—справедливый; караетъ грѣшниковъ адомъ, а добрымъ даетъ небо. Вѣрую, что Сынъ Божій содѣлался (стался) ради нашего спасенія человѣкомъ, претерпѣлъ мученія и умеръ на крестѣ. Вѣрую, что такъ вѣровать повелѣваетъ св. апостольская каѳолическая Церковь. Желаю жить и умереть съ этою вѣрою».

Актъ надежды.

«Надѣюсь, что Ты, Боже,—по милосердію Своему, по молитвамъ Пречистой Твоей Матери и всѣхъ Святыхъ, —отпустишь всѣ мои грѣхи, которыми я когда либо прогнѣвалъ Тебя, какъ и я отпускаю всѣмъ моимъ должникамъ».

Актъ любви.

«Люблю Господа Бога моего всѣмъ сердцемъ моимъ, всею душею моею и всѣми силами моими, и люблю единственно потому, что Онъ есть нескончаемая любовь. Со-

жалѣю о всѣхъ грѣхахъ моихъ, которыми, когда либо въ моей жизни, я оскорбилъ Его: лучше мнѣ умереть, чѣмъ оскорбить Тебя, Боже!»

Далѣе слѣдуетъ: перечисленіе 10 заповѣдей закона, пяти церковныхъ, семи таинствъ, семи главныхъ грѣховъ, семи милосердныхъ поступковъ относящихся до тѣла (алчущаго напитать, жаждущаго напоить и пр.) и семи поступковъ относящихся до души,—и, затѣмъ слѣдующіе вопросы изъ христіанскаго катехизиса:

«Вопр.—Что есть Тройца Святая?—Отв.—Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый: три лица, а одинъ Богъ.—В.—Что есть Богъ?—О.—Богъ есть Творецъ неба и земли и насъ грѣшныхъ.—В.—Зачѣмъ насъ Богъ сотворилъ?—О.—Затѣмъ, чтобы мы Его знали, хвалили, любили, вѣрно служили, а по смерти—вмѣстѣ съ Нимъ въ небѣ царствовали.—В.—Что мы принимаемъ въ Евхаристіи?—О.—Истинное тѣло и истинную кровь Господа нашего, Іисуса Христа.—В.—Христіанинъ ли я?—О.—Христіанинъ по милости Божіей, но не по милости отца своего или матери.—В.—Что такое христіанинъ?—О.—Ученикъ Христовъ, который, принявши крещеніе и вѣру, исполняетъ все то, чему научаетъ его св. Церковь.—В.—Какая польза быть христіаниномъ?—О.—Та, что человѣкъ содѣлывается сыномъ Божіимъ, наслѣдникомъ царствія небеснаго; между тѣмъ какъ «не истинный» христіанинъ есть вѣчный узникъ ада.—В.—Что такое человѣкъ?—О.—Созданіе разумное, имѣющее тѣло и безсмертную душу.—В.—Кто насъ сотворилъ?—О.—Богъ Отецъ сотворилъ, Сынъ Божій искупилъ, а Духъ Святый просвѣтилъ.—В.—Сколько есть боговъ?—О.—Одинъ истинный.—В.—Какою смертію умеръ Сынъ Божій, пришедшій на землю для искупленія людей?—О.—Онъ былъ распятъ на крестѣ.—В.—За всѣхъ ли людей?—О.—За всѣхъ вѣрныхъ и невѣрныхъ.—В.—Что ожидаетъ грѣшниковъ?—О.—Вѣчный адъ.—В.—Что же такое адъ?—О.—Огнь вѣчный и мука безконечная.—В.—Что ожидаетъ праведниковъ?—О.—Небо. В.—Что же такое небо?—О.—Вѣч

ное, нескончаемое счастіе, заключающееся въ лицезрѣніи Самаго Бога.—Кромѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ изъ христіанскаго катехизиса, преподаваемыхъ обязательно братчиками «всей братіи», въ кругъ обязательнаго изученія послѣдней входило также и много другихъ, которыхъ мы не приводимъ здѣсь,—такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы знать, какимъ характеромъ отличалось религіозно-нравственное воспитаніе простаго народа нашими церковно-приходскими, уніатскими, братствами.

Итакъ—вотъ въ чемъ выразилась дѣятельность нашихъ уніатскихъ церковно-приходскихъ братствъ!

Спрашивается теперь: оправдали ли эти братства своею такого рода дѣятельностью надежды учреждавшихъ оныя? Предохранили ли они простой сельскій народъ отъ пагубнаго вліянія католичества, посягавшаго на совершенное и полное сліяніе уніатской церкви съ римской, и помѣшали ли они этому сліянію?—Намъ кажется, что эти братства не только оправдали возлагаемыя на нихъ надежды и ожиданія, но—что они сдѣлали и гораздо болѣе ожидаемаго отъ нихъ. Воспитывая сельской народъ въ духѣ строго-христіанскихъ истинъ, безъ всякаго отношенія къ уніи и къ католичеству, они сдѣлали этотъ народъ совершенно чуждымъ какъ католичеству, такъ—и самой даже уніи. Правда, онъ называлъ себя съ гордостью народомъ уніатскимъ, признающимъ свою зависимость отъ Рима и главенство папы,—но называлъ потому только, что такъ ему приказали называться и такъ называли его другіе. На самомъ же дѣлѣ онъ имѣлъ самое смутное и темное представленіе о Римѣ и папѣ и всегда былъ далекъ отъ сознанія нужды и пользы въ религіозномъ единеніи съ Римомъ и папою. Съ другой стороны,—сплотившись въ тѣсные, крѣпкіе кружки,—народъ этотъ спасъ себя и отъ вліянія своихъ же религіозно-нравственныхъ вождей, которые воспитывались для него «капуцинами, піарами» и др. служителями папскаго престола, и которые, конечно, старались возбудить въ немъ любовь къ

Риму и желаніе рѣшительнаго слiянiя уніатской церкви съ католической. Лучшимъ доказательствомъ неодинаковости воззрѣній на Римъ и папу простаго нашего уніатскаго народа и его религіозно-нравственныхъ руководителей—пастырей служитъ та неодинаковость и разность отношеній къ православію этаго народа и его пастырей, которая обнаружилась во время возсоединенія уніатовъ въ 1839 году. Неуспѣлъ пронестись въ нашихъ мѣстахъ кличь православной Русской Церкви, призывающій воротиться въ лоно православія отторгнутыхъ отъ нея родныхъ ея сыновъ, томившихся подъ игомъ чужой религіозной зависимости, какъ масса простаго народа, подобно «мирнымъ, послушнымъ агнцамъ», пошла на этотъ матерній кличь Русской Церкви; между тѣмъ—сколько пастырей «этихъ послушныхъ агнцевъ», къ сожалѣнію, загораживало имъ дорогу къ православной Церкви и высказывало свое грубое упорство, сокрушенное только моуединенною, запертою жизнію въ стѣнахъ Мѣлецкаго монастыря?—Чѣмъ же объяснить это?—Не инымъ чѣмъ, какъ разностью воспитанія пастырей и простаго народа. Первые были воспитаны вѣрными слугами папскаго престола—католическими монахами всякихъ орденовъ,—и потому, естественно, не могли нетяготѣть къ Риму и враждебно относиться къ православію; послѣдній же, т. е. простой народъ, самъ себя воспитывалъ и воспитывалъ въ духѣ отчужденія отъ Рима и—неподатливости вліянію тѣхъ, которые силились возбудить въ немъ любовь къ этому Риму;—а въ такомъ духѣ и направленіи воспитывали его братства...

Просуществовавъ слишкомъ полстолѣтія и сослуживъ свою службу, уніатскія церковно-приходскія братства окончили свое существованіе, вмѣстѣ съ уніей и всѣми ея учрежденіями. Историческимъ памятникомъ ихъ славнаго (славнѣе котораго ничего не было въ уніатской церкви) существованія въ настоящее время служатъ— «вещественныя доказательства заботливаго вниманія ихъ

о приходскихъ храмахъ», самое названіе—«братчикъ», утратившее, впрочемъ, въ нѣкорыхъ мѣстахъ первоначальный свой смыслъ и значеніе, и одинъ, единственный обычай, предписанный нѣкогда братскимъ уставомъ,—«стояніе въ церкви въ извѣстные моменты богослуженія съ зажженными свѣщами». На ихъ развалинахъ и обломкахъ возникли теперь у насъ новыя учрежденія, преслѣдующія тѣ же цѣли, которыя преслѣдовали и братства,—сельскія церковно-приходскія братства и церковно-приходскія попечительства, — возникнувшія въ гораздо лучшія времена и поставленныя въ гораздо лучшія условія, чѣмъ въ какія возникли и были поставлены уніатскія церковно-приходскія братства, несмотря и на это принесшія пользу православію. Пожелаемъ же и нашимъ теперешнимъ народно-церковнымъ учрежденіямъ, еще новымъ и неокрѣпшимъ, съ успѣхомъ приносить пользу православію и заслужить добрую славу у потомства, какую заслужили, посправедливости, уніатскія церковно-приходскія братства...

Павелъ *Лукьяновичъ*.

РѢЧЬ,

сказанная (*) на актѣ, бывшемъ въ Волынской духовной Семинаріи въ концѣ 188¹/₂ учебнаго года.

Годы, какъ волны уносятъ жизнь нашу въ безпредѣльное море вѣчности и трудно человѣку услѣдить за этимъ быстротечнымъ потокомъ времени, трудно обнять его раздѣльно своимъ воспоминаніемъ. Давно ли мы, кажется, поступили въ Семинарію, долго ли мы въ ней пробыли и вотъ уже мы окончили курсъ ученія въ ней и готовимся вступить въ жизнь. Жизнь!.. Какъ заманчиво

(*) Воспитанникомъ VI класса Семинаріи Димитріемъ Богдашевскимъ.

казалось для насъ это слово! Сколько чувствъ радости, какія свѣтлыя, отрадныя надежды и мечты вызывало оно у насъ! Жизнь самостоятельная, жизнь честнаго посильнаго труда для общества!... Какъ пріятно волновало это нашу душу, какъ отрадно было думать объ этомъ! Но это ли мы чувствуемъ въ настоящую минуту, когда готовимся оставить стѣны заведенія? Эти ли опять свѣтлыя надежды и мечты? Нѣтъ, далеко нѣтъ. Мы съ грустью разстаемся съ нашей дорогой Семинаріей, съ нашими обычными занятіями, съ нашимъ дружескимъ, товарищескимъ кружкомъ; сердце трепетно бьется при мысли о вступленіи въ жизнь; мы чувствуемъ высоту, важность тѣхъ требованій, какіе на насъ наложитъ послѣдняя.

До сихъ поръ мы главнымъ образомъ были только подготовляемы къ жизни. Семинарское воспитаніе имѣло въ виду дать намъ то, чего требуетъ жизнь честная, полезная обществу. Оно старалось гармонически развить всѣ наши душевныя силы и способности. Такъ, оно въ достаточной степени развило нашъ умъ, разомкнуло наши умственныя силы. Оно сообщило довольно полный, законченный кругъ свѣдѣній, сообразуясь въ этомъ случаѣ съ нуждами и потребностями времени и съ нашимъ будущимъ служеніемъ. Оно имѣло въ виду развить въ насъ правильныя религіозныя чувствованія, воспитать насъ въ духѣ вѣры истинной и любви нелицемѣрной. Оно стремилось указать намъ правильныя отношенія къ обществу, прояснить свѣтомъ христіанской религіи наши разнообразныя жизненныя отношенія, установить у насъ положительныя твердыя убѣжденія, уничтожить все то, что̀ могло вредно повліять на нашу жизнедѣятельность, давать ей ложное направленіе. Однимъ словомъ Семинарское образованіе старалось сдѣлать насъ добрыми, полезными членами общества. Теперь, по выходѣ изъ заведенія на насъ лежитъ священный долгъ осуществить въ жизни то, что мы пріобрѣли здѣсь. Намъ необходимо заботиться, чтобы пріобрѣтенныя здѣсь знанія не оставались мертвымъ капиталомъ безъ всякаго проложенія въ жизни,

чтобы мы по выходѣ изъ школы неизмѣнили тому направленію, которое дано намъ здѣсь, чтобы наши благородныя стремленія не остались въ жизни одними только пустыми мечтами. Пусть не замѣчается въ насъ болѣзненнаго разлада между умомъ и волей: думать благородно честно и дѣйствовать противоположно—вотъ печальная жизненная аномалія, которой нужно остерегаться. Только въ такомъ случаѣ мы правильно поймемъ ту задачу, которую имѣло въ виду наше воспитаніе, только тогда мы осуществимъ то, къ чему оно стремилось, только тогда мы принесемъ истинную благодарность нашимъ воспитателямъ и руководителямъ, когда наши познанія и взгляды на жизнь будутъ оправдываться добрыми достойными дѣлами.

Еще не много радости нашимъ воспитателямъ и чести намъ самимъ, если мы успѣемъ сохранить и провести въ жизнь то, что внушено намъ въ школѣ. Хотя для большинства изъ насъ время школьнаго образованія кончилось, но начинается воспитаніе въ обществѣ, въ жизни. Это воспитаніе болѣе трудное, потому что предметовъ, которымъ нужно учиться теперь у насъ будетъ больше, а наставникомъ у насъ остается по преимуществу одинъ нашъ собственный разумъ и совѣсть. Нашъ выходъ изъ заведенія совсѣмъ не означаетъ того, что дѣло воспитанія для насъ уже совсѣмъ закончено, а означаетъ только то, что въ нашемъ воспитаніи настала такая пора, когда мы должны воспитывать самихъ себя. Какая честь и радость была бы и нашимъ воспитателямъ и намъ самимъ, если бы въ каждомъ изъ насъ горѣло желаніе продолжать и продолжать свое развитіе—идти гораздо далѣе того, чего достигли мы здѣсь!

Это касается прежде всего самыхъ занятій наукой умственнаго образованія. Жалко было бы между нами предположить такихъ, которые, чувствуя себя достаточно образованными, рады теперь съ окончаніемъ Семинарскаго курса покончить всякія умственныя занятія. Семинарское образованіе только разомкнуло такъ сказать

наши умственныя способности, пріучило насъ къ труду, къ умственной дѣятельности, но не могло дать всего, какъ не даетъ его ни какое заведеніе. Наука широка, необъятна, неисчерпаема по своему содержанію и жизни человѣка недостаточно, чтобы хотя нѣсколько обнять ее. Brevis vita, longa ars—повторяли древніе. Вѣрный признакъ живаго пониманія науки есть именно стремленіе къ дальнѣйшему и дальнѣйшему развитію и усовершенствованію, любовь и жажда знанія, усиливающаяся по мѣрѣ пріобрѣтенія познаній, живое убѣжденіе въ томъ, что наукѣ нѣтъ конца. Сократовское: «я только знаю то, что ничего не знаю», должно идти впереди всякаго развитія. Притомъ человѣку врождено стремленіе къ постоянному усовершенствованію и духовныя его силы могутъ усовершаться въ безконечность. Тогда какъ въ природѣ вещественной, неразумной растенія и животныя никогда не восходятъ далѣе извѣстныхъ предѣловъ въ своемъ развитіи, человѣкъ напротивъ можетъ со дня на день все болѣе и болѣе усовершаться и сколько бы онъ ни успѣвалъ, при всѣхъ своихъ успѣхахъ онъ всегда видитъ и сознаетъ, что у него много еще не достаетъ, много не сдѣлано. Поэтому девизомъ нашей жизни и по выходѣ изъ заведенія, добрые товарищи, должно быть стремленіе впередъ, обогащеніе себя все болѣе и болѣе знаніями. Напрасно сталъ бы кто нибудь думать, что съ выходомъ изъ школы прекращается возможность поддерживать свои умственные интересы; слава Богу, теперь такое время, что куда бы ни забросила кого судьба, вездѣ можно найти средства удовлетворить этимъ прекраснымъ благороднымъ стремленіямъ. Но при этомъ нужно особенно быть внимательнымъ, чтобы это поступательное движеніе впередъ въ умственномъ отношеніи, не приняло ложнаго направленія, не было только поверхностнымъ отрывочнымъ схватываніемъ различныхъ свѣдѣній. Еще болѣе мы должны быть внимательны къ своему нравственному усовершенствованію — развитію нравственно-добраго характера. До сихъ поръ намъ старались внушать добрыя

нравственныя понятія, показывать добрые примѣры, старались охранять отъ всякихъ соблазновъ, дурныхъ влеченій. Но все это еще не могло развить въ насъ нравственно добраго характера. Для этого требуется не одинъ физическій возрастъ, не пріобрѣтеніе знаній, а опытъ, практическая проба, жизненныя столкновенія. До этого времени ни въ нашей сферѣ занятій и интересовъ, ни въ томъ кружкѣ, въ которомъ мы жили, не могло представиться такихъ сложныхъ, трудныхъ столкновеній. Ихъ представитъ самая жизнь. Тутъ намъ необходимо приложить свои выработанныя нравственныя понятія и стараться выйти изъ этихъ столкновеній цѣлыми и крѣпкими.—Для добраго направленія нашей жизни намъ необходимо всегда помнить, что хотя по выходѣ изъ заведенія мы получаемъ возможность самостоятельно дѣлать добро —честно служить Богу и людямъ, хотя мы получаемъ теперь больше свободы и самостоятельности въ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ теперь на насъ возлагается больше отвѣтственности не только за наши поступки, но и за убѣжденія, потому что убѣжденіе—зерно нашихъ поступковъ и всей нравственной жизни. Во всемъ теперь намъ нужно быть болѣе серіозными и строгими къ себѣ. Прежде сдѣлали ли мы что нибудь не хорошее,—значительная доля отвѣтственности слагалась на другихъ, на духъ, на условія заведенія, на вліяніе товарищества и т. п. Теперь всѣ эти условія, которыми нерѣдко, можетъ быть, и въ глазахъ другихъ людей, и въ нашихъ собственныхъ, смягчались и оправдывались наши недостатки, —остаются назади. Мы становимся лицомъ къ лицу съ требованіями нравственнаго и положительнаго закона и нашей собственной совѣсти и уклоненій отъ этихъ требованій намъ уже нечѣмъ прикрывать. Свобода! Какой благодѣтельный и вмѣстѣ опасный даръ! Какъ много злоупотребленій происходитъ отъ неправильнаго пользованія ею! Теперь въ жизни намъ нужно доказать самымъ дѣломъ, что истинная свобода есть дѣйствительно великое нравственное благо, залогъ всякаго добра и пре-

успѣянія, а не безпорядочный произволъ, не освобожденіе отъ требованій разума, отъ закона совѣсти, отъ личныхъ и общественныхъ обязанностей.

Итакъ, добрые товарищи, съ свѣжими добрыми силами выступимъ на жизненное поприще съ искреннимъ желаніемъ честно, добросовѣстно потрудиться на избранномъ пути. Дай Богъ намъ совершить всѣ труды нашего будущаго служенія не по одному только требованію закона, не съ холоднымъ сознаніемъ долга, какъ чего то внѣшняго человѣку, но съ истинно-христіанскою любовью, самоотверженіемъ. Не будемъ падать духомъ предъ различными препятствіями, которыя по необходимости встрѣтятся въ жизни. Не будемъ унывать, терять энергіи, если многимъ изъ насъ не прійдется занять видное мѣсто въ жизни. Вспомнимъ, какъ христіанство всѣхъ и каждаго призываетъ къ нравственной дѣятельности въ мірѣ, какъ всѣмъ даетъ для нея духовныя силы и средства, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни. Вспомнимъ, что жизнь каждаго человѣка полезна, плодотворна для общества, лишь бы это была жизнь честная и разумная. Святая вѣра въ Бога пусть служитъ для насъ путеводной звѣздой, опорой, руководительницей, утѣшеніемъ и надеждою на жизненномъ пути. Мудрыя предначертанія нашихъ дорогихъ Архипастырей, которые въ короткое время своего пребыванія на Волыни, успѣли заявить себя истинно отеческою заботливостію о благѣ нашихъ родителей и нашемъ собственномъ, пусть будутъ всегдашнею неизмѣнною нормою для нашей жизнидѣятельности.

Искренно благодаримъ Васъ, наши мудрые Архипастыри, за Вашу неусыпную заботливость о насъ. Просимъ Васъ благословить насъ на трудный жизненный путь. Искренно благодаримъ и Васъ, наши дорогіе наставники и руководители, трудившіеся по дѣлу нашего образованія и воспитанія. Благородное воспоминаніе о Васъ не изгладится въ нашей душѣ во всю жизнь. А ты дорогая школа, наша alma mater расти, цвѣти, мужайся, крѣпни. Пусть духъ святаго Православія, которое ты

непоколебимо, неизмѣнно сохраняла до сихъ поръ, пусть духъ вѣрнаго, истиннаго служенія церкви и отечеству въ дѣлѣ подготовленія юношества, все болѣе и болѣе внѣдряется и горитъ ярко въ тебѣ.

Мѣры, принимаемыя католиками для привлеченія къ своимъ святынямъ православныхъ западнаго края.

Въ «Холмск. Варш. Епарх. Вѣстникѣ» разсказываются очень любопытныя извѣстія о способахъ привлеченія на поклоненіе католическимъ святынямъ православныхъ западно-русскаго края, такъ что изъ нѣкоторыхъ мѣстъ православные больше ходятъ на поклоненіе католическимъ святынямъ (напр. въ Ченстохово), чѣмъ православнымъ (напр. въ Почаевъ). Разсказъ касается собственно Бѣльскаго уѣзда Гродн. губ., но тоже самое дѣлается и въ другихъ мѣстностяхъ. Во многихъ мѣстахъ Бѣльскаго уѣзда заведены своего рода конторы или агенты съ цѣлью вербовать паломниковъ въ Ченстохово и другія римско-католическія мѣста. Эти агенты снабжены множествомъ книжекъ, картинокъ, медальоновъ, знакомящихъ съ этими мѣстами. Затѣмъ на пути въ Ченстохово, почти на каждыя 50 верстъ представляется по одному чудотворному мѣсту (прежде уніатскій Годышевъ, Перстунь и проч.), о которыхъ богомольцы, благодаря массѣ легендъ, ловко и съ тактомъ пущенныхъ въ ходъ, выносятъ и сохраняютъ болѣе ясное представленіе, чѣмъ въ Почаевѣ и Кіевѣ, взятыхъ вмѣстѣ. Мало того, на разстояніи дневнаго перехода богомолецъ встрѣчаетъ не одинъ, а два, три костела, всегда открытыхъ для молитвы и отдыха въ продолженіи цѣлаго дня. Въ пунктахъ, болѣе важныхъ, богомольцевъ встрѣчаетъ настоятель костела съ крестомъ и привѣтствуетъ даже рѣчью. Подходя къ Варшавѣ, небольшія кучки богомольцевъ сливаются

съ партіями сравнительно большими и правильно организованными, — съ вожакомъ и начальникомъ во главѣ. Впереди партіи, съ крестомъ въ рукахъ, важно шагаетъ вожакъ, а за нимъ—длинная вереница народа всякаго пола и возраста. Пробравшись за городъ, вожакъ затягиваетъ религіозную пѣсню, и вся компанія дружно присоединяется къ нему. Обѣды и ночлеги обыкновенно бываютъ въ лѣсу или у источника. Вожакъ водружаетъ крестъ и вся компанія съ пѣсней и молитвой садится за общій столъ, а въ хорошую погоду и ночуетъ подъ открытымъ небомъ. На мѣстѣ своей стоянки рѣдкая партія не оставитъ (на обратномъ пути обыкновенно) какойнибудь иконы, вдолбленной въ вѣковую сосну, или не поставитъ хоть небольшаго креста у источника. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, мѣста эти становятся священными и историческими на подобіе крестовъ, существовавшихъ въ краѣ со времени іезуитскихъ миссій. Легко понять, заключаетъ авторъ свою замѣтку, изъ которой заимствованы вышеупомянутыя свѣдѣнія, что при такой обстановкѣ путешествія религіозное настроеніе у паломниковъ не слабѣетъ ни на минуту, а наоборотъ— поддерживается и усиливается по мѣрѣ приближенія къ самому Ченстохову. А если прибавить сюда торжественныя встрѣчи богомольцевъ да особые, спеціальные желѣзно-дорожные, поѣзды съ пониженной платой для перевозки этихъ богомольцевъ, да разныя легенды о переходѣ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери изъ бывшихъ уніатскихъ церквей въ католич. костелы,—тогда станетъ совершенно ясно и понятно, почему и православные богомольцы попадаютъ чаще въ Ченстоховъ, чѣмъ въ Почаевъ и Кіевъ. (Изъ 79 человѣкъ напр. той мѣстности, гдѣ авторъ производилъ свои наблюденія,—42 въ Ченстоховъ и 37—въ Почаевъ и Кіевъ).

Лѣтопись текущихъ событій.

— *Назначеніе Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, экзарха Грузіи на каѳедру Московской Митрополіи.*—Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся 27-го іюня, преемникомъ знаменитѣйшему изъ іерарховъ, такъ безвременно похищенному неумолимою смертію изъ сердца Россіи, назначенъ экзархъ Грузіи, архіепископъ кахтинскій и карталинскій, высокопреосвященный *Іоанникій* (Рудневъ).

Урожденецъ Тульской епархіи, новый архипастырь московскій получилъ высшее образованіе къ Кіевской духовной академіи, въ которой онъ окончилъ курсъ въ 1849 году первымъ магистромъ. Съ 1858 по 1864 годъ онъ преемственно занималъ должность ректора кіевской духовной семинаріи и духовныхъ академій кіевской и с.-петербургской. Вмѣстѣ съ назначеніемъ на должность ректора с.-петербургской академіи, онъ возведенъ былъ въ санъ епископа выборгскаго, викарія с.-петербургской митрополіи (въ 1861 году), и затѣмъ управлялъ епархіями саратовской (1864 — 1873 гг.) и нижегородской (1873—1877 гг.), а съ 1878 года состоялъ въ званіи экзарха Грузіи.

На всѣхъ поприщахъ своего служенія высокопреосвященный Іоанникій оставилъ глубокій слѣдъ, какъ по своимъ рѣдкимъ административнымъ способностямъ, такъ и по гуманному, сердечному отношенію къ управляемымъ.

— *Слухи о преобразованіи духовныхъ Академій.*—«Рус. Вѣд.» пишутъ изъ Петербурга, что въ духовныхъ академіяхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, имѣютъ произойти весьма важныя преобразованія въ учебной части. Специальныя отдѣленія на всѣхъ курсахъ академій будутъ закрыты, останется для всѣхъ одинъ общій академическій курсъ безъ всякихъ подраздѣленій. Независимо сего, имѣется въ виду, посредствомъ разныхъ мѣропріятій, привлечь къ духовнымъ академіямъ лучшихъ и способнѣйшихъ учениковъ изъ духовныхъ семинарій, которые, какъ извѣстно, избирали для себя въ послѣднее время большею частью свѣтскую дорогу и шли въ свѣтскія высшія учебныя заведенія,—университеты, медицинскую академію, ве-

теринарныя училища, технологическій, путей сообщенія и историко-филологическій институты.

— *Общежитія при народныхъ училищахъ.*—«Рус. Вѣд.» пишутъ изъ Петербурга, что въ компетентныхъ сферахъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ и приспособленіи при народныхъ училищахъ соотвѣтствующихъ общежитій для учениковъ, такъ какъ масса послѣднихъ, въ виду отдаленности училищъ отъ деревень, лишена возможности аккуратно посѣщать школу. Полагаютъ, что забота и надзоръ за такими общежитіями имѣетъ быть ввѣренъ церковно-приходскимъ попечительствамъ и духовенству.

— *Мѣры къ ограниченію работы малолѣтнихъ и подростковъ на фабрикахъ.*—Высочайше утверждены мѣры ограниченія работы подростковъ и малолѣтокъ на фабрикахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, по оставленіи имъ возможности посѣщать школы, а также правила объ учрежденіи инспекціи для надзора за исполненіемъ сихъ мѣръ. Постановлено до 12 лѣтъ къ работамъ не допускать, до 15 лѣтъ допускать не болѣе восьми часовъ и при томъ отнюдь не ночью, не въ праздники и не при вредныхъ для здоровья производствахъ.

— *Засѣданіе редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.*—Засѣданіе это происходило на дняхъ, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта, главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ Е. И. Старицкаго. Прежде всего, говоритъ «Голосъ», коммиссія воспользовалась правомъ, предоставленнымъ ей 8-мъ параграфомъ высочайше утвержденныхъ 12 и 26 мая 1882 года основаній по организаціи работъ для составленія проекта гражданскаго уложенія, и признала необходимымъ пригласить къ участію въ своихъ занятіяхъ одного изъ лицъ, не состоящихъ въ составѣ коммиссіи, присяжнаго повѣреннаго округа петербургской судебной палаты А. К. Рихтера. Говорятъ, г. Рихтеръ войдетъ въ составъ чиновъ министерства юстиціи, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ. Въ первомъ же засѣданіи, занятія по подготовительнымъ работамъ коммиссіи были распредѣлены между семью ея членами: сенаторами А. А. Книримомъ, И. Я. Голубевымъ, С. И. Лукьяновымъ и Пахманомъ, предсѣдателемъ

департамента варшавской судебной палаты В. И. Голевинскимъ, товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената Карницкимъ и вновь приглашеннымъ присяжнымъ повѣреннымъ Рихтеромъ.

Составленіе общей части уложенія, т. е. ученія о лицахъ, юридичкскихъ отношеніяхъ и объ общихъ свойствахъ вещей согласился принять на себя сенаторъ Пахманъ. Выработкою же особенной части займутся: о вещномъ правѣ—Голевинскій и Карницкій, о правѣ по обязательствамъ—Кпиримъ и Лукьяновъ, о правѣ семейственномъ—Голубевъ и о правѣ наслѣдственномъ —Рихтеръ. Сенаторъ Пахманъ принялъ на себя и часть отдѣла объ обязательствахъ.

— *Новый проектъ организаціи военномедицинской части.*— Особая коммиссія, учрежденная при главномъ штабѣ, закончила уже свои занятія, выработавъ новый проектъ организаціи военно-медицинской части, согласно которому главное военно-медицинское управленіе имѣетъ быть упразднено, а при главномъ штабѣ учреждается новая должность главнаго начальника санитарной части всѣхъ войскъ гвардіи и арміи.

— *Погребеніе и проводы тѣла М. Д. Скобелева.*—Послѣдняя дань почившему отдана Москвою 28 іюня, въ церкви Трехъ Святителей у Красныхъ воротъ. Въ этотъ день, по словамъ «Нов. Врем.», съ 8 ч. утра конныя и пѣшія войска (до 40 т.) шпалерами стали отъ площади у Красныхъ воротъ вплоть до рязанскаго вокзала (по которому должно было слѣдовать тѣло въ имѣніе покойнаго въ рязанскую губ.); улицы, площади, балконы, окна, заборы, крыши, все занято было несмѣтными толпами, напоръ которыхъ едва сдерживался войсками. Въ 10 час. началась обѣдня, отслуженная преосвященнымъ Амвросіемъ и другимъ духовенствомъ, съ полнымъ хоромъ синодальныхъ пѣвчихъ. Церковь была переполнена высшими военными и и гражданскими властями. Цѣлая масса росбошныхъ вѣнковъ отъ разныхъ вѣдомствъ, сословій, учрежденій едва помѣщалась въ церкви, на папертн и у стѣнъ церковныхъ. Въ концѣ литургіи пріѣхали въ церковь великіе князья Алексѣй Александровичъ и Николай Николаевичъ старшій. На панихидѣ преосвященный Амвросій произнесъ глубоко-трогательную рѣчь,

прерываемую слезами какъ самого проповѣдника, такъ и присутствовавшихъ, даже мужчинъ, старыхъ солдатъ. Послѣ изъ церкви двинулась къ вокзалу рязанской желѣзной дороги длинная процессія вѣнковъ, а у гроба совершалось послѣднее мучительное прощанье. Гробъ вынесли великіе князья и члены генералитета, потомъ великіе князья все время слѣдовали за гробомъ пѣшкомъ; когда процессія отошла дальше, народъ былъ пущенъ въ церковь, произошла поразительная сцена: женщины, мужщины всѣхъ сословій со слезами прикладывались къ мѣсту гроба, поднимали съ полу всѣ остатки вѣнковъ и зелени, цѣловали и прятали ихъ на память. Рязанская дорога дала отъ себя поѣздъ для перевезенія праха Скобелева, декорировала станціи. Въ половинѣ четвертаго, послѣ литіи у вагона, при пушечной и ружейной пальбѣ, поѣздъ тронулся. На пять верстъ по дорогѣ стоялъ народъ; массы народа даже изъ окрестныхъ деревень на каждой станціи съ рыданіями толпились у поѣзда, несли цвѣты. Впечатлѣніе громадное и удручающее! При остановкахъ служили краткія литіи, приносили хоругви.

№ 20 Вол. Еп. вѣд сданъ на почту 11-го Іюля 1882 г.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 11 Іюля 1882 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.